

Отношение современников к деятельности Петра

Мы окончили наш обзор преобразовательной деятельности Петра. Она касалась всех сторон общественной жизни и всех классов московского общества. Поэтому люди всех направлений и положений почувствовали реформу Петра и, задетые ею, так или иначе высказывали свое отношение и к преобразованию, и к преобразователю. Отношение это было разнообразно. Не все понимали, к чему стремился Петр, не все могли сознательно отнестись к преобразованиям. Массе реформы казались странным, ненужным и непонятым делом. Народ не мог уловить в деятельности Петра исторической традиции, какую видим теперь мы, и поэтому считал реформу не национальной и приписывал ее личному капризу своего царя. Однако много отдельных лиц, не только из высших слоев общества, но и из народной массы, умели сочувствовать Петру вполне или отчасти. Эти люди являлись деятельными сотрудниками государя и апологетами его преобразований. Так, в эпоху Петра образовалось в его государстве две стороны людей: противников и сторонников реформы.

Противников реформы мы уже отметили, когда говорили о первых шагах преобразований. В 1698 г. стрелецкий розыск и резкие нововведения Петра по возвращении из-за границы сразу возбудили внимание народа, который был удивлен и жестокостью государя, и его немецкими еретическими замашками. В обществе пошли оживленные толки, о которых мы знаем довольно из дел Тайного приказа (Преображенского), занимавшегося следствиями политического характера. В Москве и в областях роптали на Петра за то, что «бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая». По мнению многих, Петр обасурманился, «ожидовился»; за близость к немцам и расположение Петра к девице Монс, знакомой ему через Лефорта, в народе звали Петра «Лефортовым зятем». Соображая, «чего ждать от басурмана», не удивлялись, что Петр оказался жестоким в стрелецком розыске. Однако проявление этой жестокости поражало народное воображение; даже бабы говорили между собой, что «которого дня государь и князь Ромодановский крови изопьют, того дня и те часы они веселы, а которого дня не изопьют, и того дня им хлеб не естся». Позже, когда с началом шведской войны очень усилились подати и повинности, происходили частые рекрутские наборы и служба дворян стала тяжелей, это напряжение государственных сил объяснили не политическими потребностями, а личным капризом и жестокостью Петра. Ему желали смерти, потому что думали: «Как бы Петра убили, так бы и служба минула и черни бы легче было». Но Петр жил и требовал от народа усиленного труда. Не привыкшие к такому труду с отчаянием восклицали: «Мироед, весь мир переел. На него, кутилку, переводу нет, только переводит добрыя головы». Петр казался врагом, «он дворян всех выволоч на службу, крестьян разорил с домами», побрал их в солдаты, а жен их «осиротил и заставил плакать век». «Если он станет долго жить, он и всех нас переведет», – говорили в народе.

Таким образом, личность Петра и его культурные вкусы и политическая деятельность были не поняты массой и возбуждали неудовольствие. Не понимая происходящего, все недовольные с недоумением ставили себе вопрос о Петре: «Какой он царь?» – и не находили сразу ответа. Поведение Петра, для массы загадочное, ничем не похожее на старый традиционный чин жизни московских государей, приводило к другому вопросу: «Никак в нашем царстве государя нет?» И многие решались утверждать о Петре, что «это не государь, что ныне владеет». Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазия принялась усиленно работать, чтобы ответить себе, кто же такой Петр или тот, «кто ныне владеет?»

Уже в первые годы XVIII в. появилось несколько ответов. Заграничная поездка

Петра дала предлог к одному ответу; «немецкие» привычки Петра создали другой. На почве религиозного консерватизма вырос третий ответ, столь же легендарный, как и первые два. Во-первых, стали рассказывать, что Петр во время поездки за границу был пленен в Швеции и там «закладен в столб», а на Русь выпущен вместо него царствовать немчин, который и владеет царством, Вариантами к этой легенде служили рассказы о том, что Петр в Швеции не закладен в столб, а посажен в бочку и пущен в море. Существовал рассказ и такой, что в бочке погиб за Петра верный стрелец, а Петр жив, скоро вернется на Русь и прогонит самозванца-немчина. Во-вторых, ходила в народе легенда о том, будто Петр родился от «немки беззаконной», он «замененный». И как царица Наталья Кирилловна стала отходить с сего света и в то число говорила: «Ты, де, не сын мой, замененный». На чем основывалось такое объяснение происхождения Петра, высказывали наивно сами рассказчики легенды: «Велит носить немецкое платье – знатно, что родился от немки». В-третьих, наконец, в среде, кажется, раскольничьей, выросло убеждение, что Петр антихрист, потому что гонит православие, «разрушает веру христианскую». Получив широкое распространение в темной массе народа, все эти легенды спутывались, варьировались без конца и соединялись в одно определение Петра: «Он не государь – латыш; поста никакого не имеет; он лстец, антихрист, рожден от нечистой девицы».

Но недовольство народа не переходило в общее открытое сопротивление Петру. Народ, правда, уходил от тяжести государственной жизни целыми массами – в казаки, в Сибирь, даже в Польшу. Однако обаяние грозной личности Петра, отсутствие самостоятельных общественных союзов, наконец, отсутствие единодушного отношения к Петру и реформе привели к тому, что против реформ Петра были лишь отдельные местные вспышки. В 1705 г. произошел бунт в Астрахани, не имевший ни твердой организации, ни ясно сознанный цели. Бунтовщики объявили, что встали за веру, но не против Петра, а против бояр, воевод и немцев, угнетателей и веры, и народа. Перед бунтом в Астрахани ходили самые нелепые слухи о положении дел в государстве: так, астраханцы спешили выдать замуж дочерей, боясь, что будут присланы казенные женихи-немцы из Казани. Бунт был подавлен в 1706 г. В 1707 г. вспыхнул один бунт среди инородцев (башкир), в другой – на Дону у казаков под предводительством атамана Булавина. Казачье движение было очень серьезно и охватило обширный район: казаки штурмовали неудачно Азов и приближались к Тамбову. Направлялось неудовольствие казаков против той государственной опеки, которой с течением времени все более и более подпадали прежде вольные казачьи общины. При Петре правительственный контроль над казаками был сразу усилен: Петр потребовал от них всех бежавших на Дон в недавние годы возвратить обратно в государство, кроме того, запретил казакам заводить новые поселения (городки) без его указа. Когда же казаки не исполнили этих требований, Петр для их исполнения отправил на Дон вооруженную силу. Не знавшие прежде такого крутого отношения со стороны Москвы, казаки восстали против государства за свою отжившую вольность, но были усмирены. Булавин кончил самоубийством, бунтовщики сильно поплатились, и весь Дон был разорен. Петр, очень серьезно посмотревший на казачий бунт, не отступил перед строгой репрессией и не ослабил правительственного контроля над казачеством.

Этими явлениями и ограничивался протест населения против новшеств Петра. Нам этот протест, и активный и пассивный, может показаться ничтожным, но Петр всю свою жизнь прожил под давлением несочувствия к нему и к его заветным стремлениям со стороны малоразвитого общества.

Сторонники и сотрудники Петра являлись, без сомнения, меньшинством в русском обществе; но воспитанные в школе Петра и поставленные им у власти, они прониклись взглядами своего воспитателя и после его смерти не дали государству

уклониться на путь реакции. Стремление к реакции было сильно в обществе и при Петре. После него оно могло высказаться свободнее, могло надеяться на успех. Победа над ним принадлежит «птенцам» Петра, и в этом их главное историческое значение. Но птенцы Петра отличаются таким различием происхождения, характеров, способностей и деятельности, что дать их общую характеристику нет возможности. У них есть, пожалуй, единственная общая черта – практический характер воспитания и деятельности. Поэтому их можно назвать школой практических дельцов, но характеризовать эту школу по ее деятельности и направлению трудно. В нашем обзоре мы можем лишь назвать виднейших помощников преобразователя.

С некоторыми мы уже встречались в предшествующем изложении, например с Александром Даниловичем Меншиковым. Он был весьма низкого происхождения и за свои способности из потешных солдат стал правой рукой Петра. Чрезвычайная восприимчивость, ясность мысли, разносторонние способности давали ему возможность понимать и исполнять лучше других то, что хотел Петр. Петр наделил его большими полномочиями, и Меншиков стал вторым после Петра лицом в государстве. Он работал во всех сферах государственной деятельности, и многим казались настолько большими значение Меншикова и его способности, что, по их мнению, дела стали бы, если бы не было Меншикова. Армия видела в Меншикове талантливого полководца. Но любовью он не пользовался за свою гордость, заносчивость и лихоимство. Последний порок привлекал внимание и самого Петра: Меншикову не раз грозила ссылка, не раз государь собственноручно бивал его; в конце царствования Меншиков находился под формальным следствием. Но любовь к нему Петра и нужда, которую чувствовал Петр в его способностях, заставляли держать Меншикова на высоте того положения, какого он достиг в государстве. Спасало его и заступничество супруги Петра – Екатерины, жившей до брака с Петром в доме Меншикова.

Были и другие заметные сотрудники Петра, взятые им из низших слоев общества. Таковы, например, оставивший по себе яркую память генерал-прокурор Сената Ягужинский и дипломат барон Шафиров. Оба они были не русские, а только обруселые люди с довольно темным происхождением. Выдвинули их недюжинные личные способности, разбирать которые Петр был большой мастер. Большинство сотрудников Петра достигло высокого государственного положения именно личными заслугами и талантами, а не аристократичностью происхождения. Великий канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, дипломаты Петр Андреевич Толстой, Матвеев, Неплюев, Артемий Волынский – далеко не отличались родовитостью и вышли из рядов неродословного дворянства XVII в.; их предки или вовсе не играли роли до Петра, или стали заметны (вследствие личной выслуги) очень незадолго до него. Из людей «родословных» на высоких административных постах при Петре удерживались представители трех фамилий: Борис Петрович Шереметев, ставший графом и фельдмаршалом; князя Голицыны – Дмитрий Михайлович, сенатор, и Михаил Михайлович, фельдмаршал; и князя Долгорукие, из которых сенатор Яков Федорович стал героем исторических преданий, как образец высокой честности и бесстрашия. Он резко противоречил иногда распоряжениям Петра и в глаза Петру высказывал, например, что царь Алексей стоял выше царя Петра по внутренней государственной деятельности. Из родовитых лиц необходимо еще упомянуть кн. Никиту Ивановича Репнина, фельдмаршала.

Так разнообразен был по своему социальному составу ближайший к Петру круг его помощников. И знатный, и незнатный, и русский, и обруселый иноплеменник одинаково могли подняться до непосредственной близости к царю-реформатору. Поднимались до такой близости и иностранцы, случайно появившиеся

в России и ей чуждые; но Петр, лаская их и доверяя им, не ставил их на первые места: везде над ними возвышался русский человек, хотя бы и меньше иностранца знавший дело. (На назначение Брюса президентом, а не только вице-президентом Берг-коллегии указывают как на редкое исключение из этого правила). Из иностранцев, занявших видное положение в России, следует назвать упомянутого графа Брюса, отчасти ученого, отчасти военного деятеля, отчасти и дипломата; далее – барона Остермана, дипломата и администратора, способности которого Петр по справедливости ставил высоко; наконец, Миниха, который явился в Россию только в 1721 г. и заведовал, в качестве инженера, постройкой Ладожского канала.

Вся среда, окружавшая Петра, при разнообразии деятельности отличалась, как мы уже заметили, разнообразием характеров и взглядов. В то время как одни руководились личными стремлениями и заботами исключительно о своей карьере (иностранцы), другие жили более широкими интересами, имели определенные взгляды на служебную деятельность (Меншиков и кн. Яков Долгорукий в этом отношении резко противоположны во взглядах на самую реформу, деятелями которой они были). Далеко не все они относились одинаково к тому, что совершалось на их глазах и их же трудами: в то время как Борис Шереметев душою предан был культурной реформе и помимо настояний Петра сам стремился к западноевропейскому образованию, Голицыны были поклонниками староотеческих преданий и не одобряли ни слепого поклонения Западу, ни близкого общения с иностранцами.

Однако авторитет могучего государя, привычка к долгому совместному служебному и житейскому общению, привычка к новым формам государственной жизни и деятельности соединили всю эту разноплеменную и разнохарактерную дружину Петра в плотный, однородный круг практических государственных дельцов. Не во всем понимая и разделяя планы Петра, его дружина вела, однако, государство по привычному пути и после смерти реформатора-государя. Если в частностях постановления Петра и нарушались, если его предначертания исполнялись не вполне, все же «птенцы» Петра не допустили торжества реакции и обратного превращения Российской империи в Московское государство.

Все перечисленные нами люди действовали на широкой государственной арене, стояли над обществом. В самом обществе, в разных его слоях, находились лица, преклонявшиеся перед Петром и перед его реформой; и таких людей было немало. Необычайное распространение в обществе XVIII в. дифирамбов личности и делам Петра, составленных современниками реформы, свидетельствует о том, что сочувствие Петру было очень сильно среди более или менее образованных русских людей. У некоторых это сочувствие было вполне сознательно и явилось следствием того, что сами эти люди своим умственным развитием были обязаны тем новым условиям жизни, какие создал Петр. Таков был, например, Василий Никитич Татищев – администратор, географ, историк, даже философ, один из первых серьезно образованных людей на Руси, теперь известный более по своей «Истории Российской» и другим сочинениям ученого и публицистического характера. Таков был и зажиточный крестьянин подмосковного села Покровского Иван Посошков, сперва «хромавший раскольничьим недугом» и недовольный Петром, а затем поклонник и Петра, и реформы. В своих литературных трудах (главный – «Книга о скудости и богатстве») наблюдательный и умный мужик, с одной стороны, является апологетом Петра, с другой – стремится по мере сил помочь и правительству, и обществу своим практическим советом по разным вопросам общественной жизни. Такие личности, как Татищев и Посошков, действуя в совершенно различных сферах общества, выполняли одно и то же назначение: являлись хранителями новых начал общественной жизни, получивших силу с царствования Петра; они своими трудами, речами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недоверчивой массы и,

увлекая многих за собой, были действительными сотрудниками Петра.

Хотя и достаточно было у Петра таких сотрудников, однако они оставались в меньшинстве перед косной массой народа. Уже в конце царствования Петра Посошков с грустью замечал, что «видим мы все, как Великий наш Монарх трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору еще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут, то как дело его скоро будет?». Если дело Петра и не пропало с кончиной его, а стало жить в истории, то причина этого не в непосредственном сочувствии общества, а в полном соответствии реформы с вековыми задачами и потребностями народа.